MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

No. 1 (2) 2021

www.isca.kz

ISSN: 2707-4870

INTERNATIONAL SCIENCE COMPLEX ASTANA

ASTANA INTERNATIONAL UNIVERSITY

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 1 (2) 2021

Nur-Sultan

EDITOR-IN-CHIEF:

Doctor of Historical Sciences, Professor
Shaihutdinov M. Y.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Doctor of Historical Sciences, Professor
Kushkumbayev A. K.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Muminov A.K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Samashev Z. S.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Abuseitova M. K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Sabitov Zh. M.	PhD in Political Science (Kazakhstan)
Golden Peter B.	Dr., Professor (USA)
Kradin N.N.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Erdélyi István	Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
Uzelac Aleksandar	PhD in History (Serbia)
Mirgaleev I. M.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Zaytsev I. V.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Petrov P.N.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Nagamine Hiroyuki	PhD in History (Japan)

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia
Owner: Astana International University
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Представляя очередной номер нашего журнала, хотел бы отметить, что мы стремимся расширить хронологические и пространственные рамки журнала. В частности, начиная с нынешнего номера, в журнале будут размещаться научные статьи, посвященные истории Казахстана, Центральной Азии и других регионов мира в Новое время.

Традиционную рубрику «Этногенез. Археология. Лингвистика» открывает статья д.и.н., профессора В.Ф. Зайберта и магистра Ж.К. Баяновой «Феномен сходства стиля Ботайского домостроительства и евразийских архитектурных приемов эпохи позднего каменного века». По мнению исследователей, евразийские степи динамично обеспечивали распространение новаций, которые на периферии данной эко-системы в ярко выраженных ландшафтах вертикальной зональности создавали оседлые культурные сообщества и длительные традиции. Речь идёт о распространенной на территориях Алтая, Памира, Кавказа, Тянь-Шаня и ареалов, примыкающих к ним, архитектурного стиля типа «Дарбази», сохранившегося с эпохи неолита до этнографической современности. Историки утверждают, что имеется ряд археологических, генетических и исторических примеров культурного взаимодействия степных ботайских коневодов с этносами евразийской степи и ее перифериями.

Статья докторанта А.А. Нускабая «Родовые символы тюрков Жетысу: историческая преемственность» посвящена эпохе Тюркского каганата. Исследователь полагает, что политическая и социальная жизнь, а также религиозные убеждения в Тюркском каганате были едины. Тенгрианство стало государственной религией каганата. Его народ использовал тюркскую письменность и говорил на тюркском языке. До сегодняшнего дня около тридцати тюркоязычных наций понимают друг друга без переводчика. По мнению исследователя, сопоставление археологических и этнографических данных, собранных в результате комплексных исследований в тюркских храмах Жайсан и Мерке, свидетельствуют о преемственности этнической культуры в казахской степи.

В статье А. Серикпаевой и Л. Серикпаевой «Особенности художественных решений средневековой архитектуры Центральной Азии» в хронологической последовательности охарактеризованы основные памятники архитектурно-художественного творчества в Средней Азии. По мнению исследователей, влияние тимуридской архитектуры можно увидеть во многих местах Казахстана и Узбекистана, а влияние персидской архитектуры часто наблюдается в Узбекистане и Туркменистане. Особое внимание в статье уделено городу Туркестану, который совсем недавно был провозглашен одной из духовных столиц Тюркского мира.

В рубрике «Европейское и русское Средневековье» опубликована статья д.и.н., профессора М.Е. Шайхутдинова «Династия Меровингов и создание Франкского государства». В статье отмечено, что падение Западной Римской империи в 476 году н.э. положило начало новому этапу европейской и всемирной истории. Возник целый ряд т.н. «варварских» государств, пытавшихся соединить собственные обычаи и традиции с элементами римской государственности и римского права. Одним из примеров подобного синтеза стало Франкское государство, созданное в конце V века королем Хлодвигом из династии Меровингов. По мнению М.Е. Шайхутдинова, формирование Франкского государства было длительным и противоречивым процессом, в рамках которого наблюдались внутриполитические раздоры и междоусобные войны, однако при этом процесс территориального расширения государства не прекращался. Важную роль в усилении и возвышении Франкского государства сыграла католическая церковь, ставшая одной из важнейших опор династии Меровингов. Однако безвольные меровингские короли постепенно утратили власть, уступив её энергичным прагматичным майордомам. В итоге майордом Карл Мартелл и его преемник Пипин II создали все необходимые условия для возникновения новой династии – династии Каролингов.

Рубрику «История Улуса Джучи» открывает статья д.п.н., профессора М.Т. Лаумулина «История Золотой Орды в мировой ориенталистике: краткий очерк», в которой рассматриваются актуальные проблемы становления и развития востоковедческих школ в контексте изучения Золотой Орды, Центральной Азии и Внутренней Евразии. В статье широко освещены основные направления в исследовании истории Золотой Орды, в том числе концепции номадизма и культурологии кочевничества, тюркология, алтаистика и языкознание, кипчаковедение о ранней и средневековой истории Орды. Особое внимание уделено изучению истории и этнографии казахов, преимущественно в западном востоковедении. Как отмечает историк, 750-летие Золотой Орды стало поводом для новых научных дискуссий. Одни исследователи утверждают, что Золотая Орда была самой развитой цивилизацией, которая помогла русским княжествам прекратить междоусобицы и объединиться. Другие исследователи считают, что главным результатом существования Золотой Орды стала первая в масштабах Евразии глобализация. В целом, статья М.Т. Лаумулина свидетельствует о преемственности и взаимосвязи востоковедения и политологии в контексте изучения Золотой Орды и Центральной Азии.

Статья казахстанского историка Радика Темиргалиева посвящена Урус-хану и его роли в истории Казахстана. Исследователь напоминает, что Урус-хану приписывается деление казахов на три жуза, что в других преданиях обычно связывается с именем мифического Алаша-хана. Среди казахов память об Урус-хане, как о первом правителе, сохранялась до XIX века.

Историк подчеркивает, что в советское время история Казахского ханства отделялась и отдалялась от истории демонизируемой Золотой Орды, наследниками которой признавались Казахское, Астраханское и Крымское ханства. В то же время в историческом сознании казахов было утрачено чувство сопричастности к одной из могущественных держав средневековой истории. В действительности, утверждает Р. Темиргалиев, история Золотой Орды и Казахского ханства неразрывна, поскольку Казахское ханство – это Левое крыло Улуса Джучи, превратившееся в отдельное государство. Именно верность золотоордынским традициям и сохранение власти джучидов во многом обеспечили длительную историю степного государства, в рамках которого формировался казахский этнос. Одну из главных ролей в этой многовековой эпопее сыграл Урус-хан.

В новой рубрике «Центральная Азия и Казахстан в Новое время» публикуется статья К.С. Калиевой и Д. Серикбаева «Семипалатинский областной статистический комитет (1877-1917) и его вклад в пропаганду знаний, посвященных Казахстану». По данным историков, Семипалатинский областной статистический комитет был учрежден в 1877 году, но фактически начал свою работу в 1878 году. На его содержание было выделено 2 000 рублей в год. Это учреждение группировало вокруг себя лучшие силы Семипалатинского края, проводило исследовательскую и просветительскую работу, а также издавало различные труды. Исследователи утверждают, что представители Семипалатинского облстатКомитета, преодолевая большие трудности, внесли значительную лепту в общественное развитие края, в дело изучения его природных, исторических, этнографических и иных особенностей, в пропаганду накопленных знаний о востоке Казахстана, а через него – в популяризацию сведений многоотраслевой системы знаний, посвященных всему Казахстану.

В разделе «Рецензии» размещена рецензия д.полит.н., профессора Л.Р. Скаковского на работу известного французского медиевиста Жака Эрса «История крестовых походов». В рецензии отмечено, что эта монография стала последней работой Жака Эрса (1924-2013 гг.). Она издана на основе рукописи, в первозданном виде, без редакторских правок и уточнений.

Благодарю наших авторов за предоставленные научные статьи, а читателей и коллег – за ценные советы и рекомендации по улучшению контента нашего журнала. Мы открыты для широких научных дискуссий по актуальным проблемам отечественной и всемирной истории.

Главный редактор
Шайхутдинов М.Е.

CONTENT

EDITOR'S COLUMN ……3

ЭТНОГЕНЕЗ. АРХЕОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА

В.Ф. Зайберт., Ж.К. Баянова. ФЕНОМЕН СХОДСТВА СТИЛЯ БОТАЙСКОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА И ЕВРАЗИЙСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПРИЁМОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА……...7
А.А. Нускабай. РОДОВЫЕ СИМВОЛЫ ТЮРКОВ ЖЕТЫСУ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ……22
А. Серикпаева, Л. Серикпаева. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ……29

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
М.Е. Шайхутдинов. ДИНАСТИЯ МЕРОВИНГОВ И СОЗДАНИЕ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА……..37

ИСТОРИЯ УЛУСА ДЖУЧИ
М.Т. Лаумулин. ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ: КРАТКИЙ ОЧЕРК……...51
Р. Темиргалиев. УРУС-ХАН И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА. КРАХ ИМПЕРИИ И ЛЕВОЕ КРЫЛО УЛУСА ДЖУЧИ……85

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН В НОВОЕ ВРЕМЯ
К.С. Калиева СЕМИПАЛАТИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ (1877-1917) И ЕГО ВКЛАД В ПРОПАГАНДУ ЗНАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ КАЗАХСТАНУ……103

РЕЦЕНЗИИ
Л.Р. Скаковский. ЖАК ЭРС О ЦЕЛЯХ, ПРИЧИНАХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ……..118

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ: КРАТКИЙ ОЧЕРК

М.Т.Лаумулин

д.п.н., проф.
Высшей школы социально-гуманитарных наук Международного университета Астана

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы становления и развития востоковедных школ в контексте изучения Золотой Орды, Центральной Азии и Внутренней Евразии. Изучаются основные направления в исследовании истории этого монгольского образования. К ним относятся такие направления, как концепции номадизма и культурологии кочевничества, тюркология, алтаистика и языкознание, кипчаковедение о ранней и средневековой истории Орды. Особое внимание уделяется изучению истории и этнографии казахов, преимущественно в западном востоковедении. Статья показывает помимо прочего преемственность и взаимосвязь востоковедения и политологии в контексте изучения Золотой Орды и Центральной Азии.

Ключевые слова: Золотая Орда, Казахи, Казахстан, Центральная Азия, востоковедение, тюркология, политология, куманология, кипчаковедение, монголистика, монголоведение.

750 лет Золотой Орде – юбилей, вокруг которого развернулись бурные дискуссии. Сторонники нового взгляда на Золотую Орду сегодня активно выступают в СМИ и научных изданиях. По мнению одних исследователей, Золотая Орда была самой развитой цивилизацией в ту эпоху. Что касается русских княжеств, то они просто уничтожали друг друга, а Золотая Орда помогла им прекратить эти междоусобицы и наконец, объединиться. По мнению других, как ни парадоксально, но результатом существования Золотой Орды в истории Средневековья стала первая в масштабах Евразии глобализация. Существует неожиданная аналогия: Монгольская империя, осколком которой была Золотая Орда, в некотором роде напоминала современные США, прежде всего размерами и военной мощью.

Понятие «Золотая Орда» появилось через сто лет после ее исчезновения. Современники называли это государственное образование Улус Джучи – т.е. удел старшего сына Чингисхана. В 1269 году в Таласской долине собрался курултай, зафиксировавший распад Монгольской империи.

Более 200 лет Золотая Орда была политической доминантой, с которой считался весь Евразийский континент. Историки отмечают: она была многоукладным государством, и эти уклады сильно различались. С одной стороны, значительная часть ее населения занималась традиционным кочевым скотоводством. С другой – на территории Орды были проложены торговые пути, возникали города. А на территориях, которые ранее не знали государственного устройства, Орда установила государственную власть. Ряд

ученых отмечает: она была несокрушима в военном, а потому и в экономическом смысле, и покорность ей считалась чем-то естественным. В Золотой Орде воинами были все без исключения. По сути, монгольская кочевая цивилизация могла в один вечер сняться с места и мигрировать на новые территории на расстояния иногда в тысячи километров.

До сих пор ведутся дискуссии, какова была численность татаро-монголов в западном походе хана Батыя. Называется от 30-40 тысяч до 150 тысяч. В войске Батыя было 15 «принцев крови», а каждый из них мог командовать не менее чем туменом, то есть возглавлял 10 тысяч воинов. Но даже если в набеге участвовало всего 30 тысяч – это все равно больше, чем могли противопоставить пришельцам разрозненные феодалы в Европе, даже если бы сумели объединиться. Необходимо к этому прибавить гениальную тактику боевых действий и самую лучшую в то время разведку.

Ученые говорят, что политическая система Московской Руси, а также её транспортная система были заимствованы у Орды. Ханам были нужны русские воины, а русские князья пугали Запад ордынской угрозой. Орда изменила ход российской истории, в конечном счете проложила путь к будущей империи, хотя на тот момент, когда пришли завоеватели, политические и экономические предпосылки для этого отсутствовали.

В домонгольской Руси была выстроена эффективная модель взаимодействия гражданского общества и власти – маленькие и демократичные государства, где княжеская власть в той или иной степени контролировалась традиционными институтами самоуправления восточных славян (вече, выборность должностных лиц, в том числе высших, вроде посадников или тысяцких). Однако в процессе борьбы с татаро-монгольским игом возникла и окрепла иная идея: России необходима сильная централизованная власть. Только сильное государство в условиях натуральной экономики, отброшенной на столетия назад, было способно объединить разрозненные территории, чтобы противостоять внешнему врагу. Отрицать это невозможно: не будь татаро-монгольского ига, возможно, не было бы и единой России.

Источниковедческая база. Будет очевидным утверждать, что история Золотой Орды, по крайне мере в начальном периоде своей истории, самым тесным образом связана с Монгольской империей. Это касается как источниковедческой базы предмета исследования, так и всего историографического комплекса. Что касается исторической традиции, династийной преемственности, то монгольское влияние ощущалось в истории Золотой Орды и ее государств-эпигонов еще несколько столетий, а в преломлении Казахского ханства – вплоть до середины XIX века.

Монгольский период в истории кочевых цивилизаций является наиболее изученным в мировой историографии, и одновременно это наиболее блестящая эпоха в истории номадов Евразии, которые

коллективными усилиями создали невиданную до них по размерам, могуществу и влиянию империю в истории человечества. До сих пор не ослабевает интерес к изучению феномена Монгольской империи, которая стала географическим прообразом других колоссальных по территории образованиям Евразии (Российской империи и СССР, причем последний с учетом своих вассалов и союзников по социалистическому лагерю буквально повторял географическую конфигурацию Монгольской державы в период расцвета). История Казахстана тесным образом связана с этим периодом.

Имя францисканца Иоанна де Плано Карпини хорошо известно в истории и историографии. Его знаменитое описание дипломатического путешествия по просторам империи Чингисхана сегодня переведено почти на двадцать языков мира. Донесение брата Иоанна остается одним из самых ярких документов эпохи монгольского триумфа в Евразии.

Предыстория данного источника такова [1]. 5 марта 1245 году в Лионе папа Иннокентий IV подписал буллу к «царю и народу тартарскому». Доставить послание папы по адресу было поручено францисканцу Плано Карпини, который в связи с возложенной на него миссией получил полномочия папского легата. Брату Иоанну шел 64-й год. Скорее всего, что путешествие в Центральную Азию не планировалось. Папа не передал с послами ни одного подарка. Посланник должен был доехать до ближайшего монгольского войска и для этого был выбран путь через Восточную Европу. Участники миссии покинули Лион 16 апреля и направились в Богемию. По пути в Польшу к ним присоединился брат Бенедикт Поляк.

Брат Бенедикт проявил живой интерес к различным аспектам жизнедеятельности Монгольской империи, а его фиксация полученных сведений отличается меньшим количеством оплошностей и ошибок. В 1965 году американский историк Г.Д. Пейнтер опубликовал по латинской рукописи XV века текст «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа, которая является не чем иным, как сокращенным донесением брата Бенедикта.

Иоанн де Плано Карпини назвал свое донесение *Liber Tartarorum* («Книга о Тартарах»). Один из ученых переписчиков XIV в. уточнил это название и получилось следующее: «История Монгалов, именуемых нами Тартарами» *(Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus}.* В 1247 году брат Ц. де Бридиа, переписавший с сокращениями донесение брата Бенедикта Поляка, дал своему труду название «История Тартар» *(Historia Tartarorum).* Энциклопедист Винцент из Бове (ум. 1264) почти целиком использовал донесение брата Иоанна, когда работал над составлением своей энциклопедии *Speculum historiale* («Историческое зерцало»).

Дипломаты согласились с требованием Бату-хана отправиться в Центральную Азию, чтобы участвовать в курултае, связанном с выборами нового великого хана. Полномочий на такую поездку у францисканцев не было, как, впрочем, не было и запрета. Римская курия не могла предугадать такое

развитие событий. Выбор в пользу поездки был сделан лично братом Иоанном и братом Бенедиктом, что, возможно, свидетельствует об осознании ими значимости такой поездки для реализации контактов на высшем уровне и сбора материалов. Отчеты францисканцев содержат богатейшие материалы о племенах, вошедших в состав Монгольской империи.

Сведения францисканской миссии 1245 г. разительно отличаются от европейских апокалиптических описаний азиатских кочевников, собранных в «Великой хронике» бенедиктинского монаха Матфея Парижского, имевшего доступ к архиву английского короля Генриха III. Заключительный аккорд этой темы особенно ярко прозвучит в книге Марко Поло. Один из парадоксов миссии 1245 года заключается в том, что францисканцам были известны обе картины: и «европейская», и «монгольская». Культурная задача миссии была связана со сменой ирреальной картины новой картиной, основанной на наблюдениях и сведениях, полученных на территории империи. Францисканцы справились с этой задачей. Отдельной проблемой является выяснение исходной этногеографической номенклатуры (монгольской, тюркской, персидской, древнерусской и латинской), отразившейся в Списке. В известном смысле Список является производной от замысла Чингисхана покорить все доступные и недоступные миры.

Таким образом, донесения францисканской миссии 1245 года являются литературными сочинениями, призванными ответить на ряд ключевых для Запада вопросов, где доминирующее положение занимает тема божественной санкции на существование ранее неизвестных Западу народов. Материалом для них послужили самые разнообразные сведения, полученные на территории империи от весьма осведомленных лиц, и лишь отчасти – собственные наблюдения францисканцев. Вновь открытая культура носила ярко выраженный имперский характер, где управление было построено по военно-административной вертикали.

Отметим также небольшую, но весьма ценную работу блестящего французского синолога и монголиста Поля Пелльо «Монголы и папство» (Les Mongols et la Papaute), первая глава которой посвящена письму Гуюк-хана, привезенному Плано Карпини лапе Иннокентию IV. Письмо считалось утраченным, и о нем было известно лишь из отдельных упоминаний и латинского перевода, сохранившегося у средневекового автора XIII в. Адама Салимбене в его «Хронике». Но в 1920 г. подлинник письма на персидском языке был обнаружен в архивах замка св. Ангела в Ватикане. Изучению этого письма и посвящена работа Пелльо. Да и в других сочинениях Пелльо имеется немало ценных замечаний о путешествии Плано Карпини.

Этим же маршрутом в 1254 году проехал армянский царь Летум, направляясь в ставку великого хана в Каракорум. Из столицы Киликийской Армении, города Сиса, царь проехал на Волгу в ставку Батыя. Французский король Людовик IX отправил в Монголию особую дипломатическую

миссию, во главе которой был поставлен хорошо ему известный монах-минорит, участник шестого крестового похода, энергичный, умный и широко образованный Гильом Рубрук. Описание путешествия в Монголию в 1253-1255 гг., составленное им, очень значительное сочинение, важное не только для истории монголов, но и для истории географических знаний. Путешествие Рубрука дало много новых сведений, а его наблюдательность позволила ему заметить множество ценных и важных подробностей из жизни монголов XIII в. Сочинение Рубрука по справедливости считается одним из серьезных источников по истории Востока, имеющихся в западноевропейской литературе позднего средневековья.

Более образованный, чем Плано Карпини, Рубрук был лучше подготовлен к своему путешествию, хотя бы уж потому, что оно не было первым, а результаты предыдущих путешествий, вероятно, были ему известны. Высадившись в Солдайе, крупном торговом городе Южного Крыма, Рубрук со спутниками двинулся на север уже по суше. Пройдя через Перекоп, южнорусские степи, он двинулся на Восток в лагерь Сартака, а затем и на Волгу в лагерь хана Бату, откуда был отправлен в Каракорум к Мункэ-хану. Бату не позволил Рубруку проповедовать христианство среди монголов, как того добивался Людовик IX, и отправил его для разрешения этого вопроса к Мункэ-хану. В конце 1253 г. Рубрук был уже в Монголии. Он стал единственным европейцем, описавшим подробно Каракорум, хотя там побывало немало жителей различных государств Европы.

Сочинение Рубрука издавалось неоднократно. Современных ему рукописных списков до нас дошло немного. Один из них лег в основу наиболее ранней публикации описания путешествий Рубрука, осуществленной в 1600 г. Хэклейтом. Через четверть века появилась другая публикация, основанная на более полной рукописи, обнаруженной в Кембридже, – путешествие Рубрука вошло в знаменитое собрание путешествий Перкиса, называвшегося «His Pilgrims». Французский перевод путешествия был опубликован Бержероном в XVII в. С тех пор труд Рубрука издавался неоднократно на многих европейских языках [2].

«Книга о разнообразии мира» Марко Поло рассказывает о путешествии, которое, по определению крупнейшего мирового авторитета в области истории географических открытий немецкого ученого Рихарда Хеннинга, «среди всех средневековых путешествий, несомненно, по праву считается самым замечательным» и «поистине выдающимся событием».

Определяющим фактором успеха труда Марко Поло является характер содержащихся в нем сведений, их объем и разнообразие. Марко Поло описывает не одно, а два путешествия в Китай, первое из которых совершили его отец и дядя – Никколо и Маффео Поло в 1254-1269 гг., во втором (1271 – 1295 гг.) участвовали все трое [3]. От Средней Волги, где были расположены посещенные ими приволжские пункты – временные ставки

золотоордынского хана Берке и Увек (Укек), братья Поло двинулись на юго-восток через земли Золотой Орды, пересекли закаспийские степи, а затем через пустынное плато Устюрт прошли к Ургенчу.

Первые издания «Книги» появились после смерти Марко Поло. Первый русский перевод «Книги» Марко Поло, сделанный Шемякиным, печатался в 1861-1862 гг. в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» и вышел через год отдельным изданием. Первый научный перевод «Книги» на русский язык был сделан в 1880-х годах профессором И.П. Минаевым. Академик В.В. Бартольд, был редактором и комментатором лучшего перевода сочинения Марко Поло на русский язык, выполненного И.П. Минаевым и изданного в 1902 году Русским географическим обществом под названием «Путешествие Марко Поло».

Чингис-хан выделил в удел старшему сыну Джучи западные земли до тех мест, куда ступит копыто монгольского коня. Но решение о походе на запад, за пределы Центральной Азии было принято после смерти Чингис-хана в 1227 г. Судя по тексту «Юань ши», это случилось в правление Угедея на двух курултаях – в 1234 и 1235 гг. Во второй половине XIII века геополитика на пространствах Евразии стала определяться новым фактором – распадом монгольской державы и соперничеством между ее компонентами. В первую очередь между Золотой Ордой и Ираном, где правили иль-ханы.

После того, как в 1277 году султан египетских мамлюков Бейбарс остановил армию монгольского иль-хана Абага, стало ясно, что монголы уже не могут вести борьбу по всем азимутам. При наследнике Берке Мунгке-Тимуре (1267-1280) Золотая Орда вступила в открытое противостояние с Ираном и оказала поддержку египетским мамлюкам. Синор считает, что тюркское население Золотой Орды оказало решающее влияние на антимонгольскую и антииранскую ориентацию этого государства, которое все более становилось центром тюркского мира Евразии. Тюркские кочевники сыграли немаловажную роль в истории Китая, Ирана, Средней Азии и Руси. Как свидетельствуют разноязычные источники, в первую очередь персо-арабоязычные [4] и китайские [5], огромные территории современного Казахстана накануне монгольского нашествия в начале XIII в. занимали племена кыпчаков, канглы, карлуков и найманов. Причем район их расселения охватывал и другие территории кыпчаки занимали южно-русские степи и степи Северного Кавказа, немало их вместе с канглы было в Хорезме.

Одним из основных источников по истории Золотой Орды является энциклопедический труд ал-Калкашанди [6]. Средневековый египетский ученый, автор последней большой энциклопедии мамлюкской эпохи Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад ибн Али ал-Калкашанди (1355-1418) был широко известен в мусульманском мире на протяжении столетий. Европейские ученые достаточно близко познакомились с основным литературным трудом его жизни в XIX в. В 1879 г. содержание его энциклопедии было суммарно

изложено немецким арабистом Г.Ф. Вюстенфельдом. В 1884 году извлечения из энциклопедии ал-Калкашанди, относящиеся к Золотой Орде, были напечатаны по-арабски и в переводе на русский язык востоковедом В.Г. Тизенгаузеном [7].

Только в 1913-1919 гг. стараниями египетского ученого Ахмеда Зеки в Каире была опубликована 14-томная энциклопедия ал-Калкашанди под названием «Субх ал-аша фи синаат ал-инша» («Заря для подслеповатого в искусстве писания»). Следствием этого издания явилась монография (1928 г.) шведского арабиста В. Бьёркмана о труде ал-Калкашанди. Она и по сей день сохраняет свое значение надежного ключа к всестороннему анализу произведения ал-Калкашанди. Труд ал-Калкашанди делится на восемь неравных по величине сводов. За вступительным словом следует «Свод первый, повествующий о границах и протяженности этого государства». Он вдвое превышает по своему объему вступление и содержит данные из трудов ал-Умари, Ибн Хаукала и ал-Мухаллаби о крайних пределах Золотой Орды.

«Свод второй, повествующий о включенных в него известных округах», по объему превосходит все остальные своды, вместе взятые. Объясняется это прежде всего тем, что он состоит из отдельных рассказов о десяти известных составителю летописи округах (иклим). Как правило, отмеченные ал-Калкашанди округа полностью соответствуют военно-административным единицам Золотой Орды, которые управлялись темниками (командирами 10-тысячных отрядов) и назывались ордынцами тюменами, а русскими – тьмами. Название третьего округа – «страна Хазар», или Хазария, воссоздано ал-Калкашанди по позднейшим обработкам трудов ас-Самани и Птолемея. «Округ четвертый – Крым» – типичный ордынский тюмен, о котором средневековые арабские авторы были прекрасно осведомлены, ибо мамлюкский Египет со времени создания Золотой Орды поддерживал разного рода контакты прежде всего с Крымом.

«Округ пятый – край Азова» составляет в описании ал-Калкашанди лишь четвертую часть от рассказа об округе четвертом. Составитель ссылается только на сведения Абу-л-Фида. По существу, здесь дается характеристика двух городов округа – Азова и Керчи. «Округ шестой – страна Черкес», или Черкесия, занимает в описании ал-Калкашанди вдвое меньше места, чем рассказ об округе пятом. Письменным источником для составителя послужила «Летопись» Абу-л-Фида. При описании округа не отмечено ни границ, ни населенных пунктов, лишь несколько слов сказано о его населении – черкесах. «Округ седьмой – страна Булгар», или Булгария, по занимаемому в описании ал-Калкашанди месту может сравниться со вторым и четвертым округами. Составитель ссылается на свидетельства у ал-Умари (в двух трудах его), Абу-л-Фида, ал-Масуди и Птолемея. После прочтения рассказа становится очевидным, что ал-Калкашанди посвятил описанию ордынского тюмена Булгар, т.е. Волжской Булгарии, не более

трети заявленного места. «Округ восьмой – страна Улак», или Валахия, описывается ал-Калкашанди на основании свидетельств Абу-л-Фида и Птолемея. «Округ девятый – страна Ас», или Алания, – представлял собой ордынский тюмен на западе Крымского полуострова. Составитель руководствовался при его описании только свидетельствами Абу-л-Фида.

«Округ десятый – страна Рус», естественно, привлечет внимание отечественных историков. Составитель использовал здесь свидетельства ал-Умари и обоих трудов Абу-л-Фида, из которых явствует, что известные им арабские купцы, торговавшие с мусульманскими округами Золотой Орды, о пределах страны Рус и ее обитателях имели самое общее представление. На территории страны не назван ни один город.

«Свод четвертый – о путях, ведущих в это государство» — вчетверо меньше по объему, чем третий. Его источниками для составителя являются труды ал-Умари и Абу-л-Фида. «Свод шестой – относительно денежного обращения и цен», составленный на основании материалов названного труда ал-Умари, по объему вдвое больше свода пятого, а по содержанию полностью соответствует своему названию. Составитель начинает с указания на то, что серебряные монеты Золотой Орды имеют одинаковое хождение и на территории хулагуидского Ирана. «Свод седьмой – относительно известий о владыках этого государства» – в 3,5 раза превышает по объему свод шестой. Вначале ал-Калкашанди дает исторический очерк округа Хорезм до монгольского нашествия. В очерке перечислены верховные владыки и их непосредственные представители на территории Хорезма - наместники.

Имена ордынских ханов в энциклопедии ал-Калкашанди зачастую искажены. Правильное написание монгольских и тюркских имен этих ханов восстановить не так-то просто. Общепринятого их написания в науке до сих пор не существует. Итоговый список имен ордынских ханов, названных ал-Калкашанди: Бату (1227-1255), Сартак (1255-1256), Берке (1258-1266), Менгу-Тимур (1267-1280), Тодан-Менгу (1280-1287), Толебуга (1287-1291), Токта (1291-1312), Узбек (1313-1341), Джани-бек (1342-1357), Бердибек (1357-1359), Абдаллах (3361-1370), Эль-бек (7-1374), Урус (1374-1375), Каганбек (1375-1377), Токтамыш (1378-1395).

Заключительный «Свод восьмой – относительно размеров воинства этого государства, устройства его управления, размеров жалованья, назначаемого [его воинам], и [формы] их одежды» уже в пространном заголовке полностью раскрывает свое содержание. Передается это содержание в соответствующих четырех подразделах. В качестве единственного источника своих сведений ал-Калкашанди называет энциклопедию ал-Умари. Составитель дает понять, что число воинов ордынской армии настолько велико, что не поддается никакому учету. Причем ордынские всадники были прекрасно обеспечены заводными лошадьми, людской обслугой и продовольствием. Завершается свод кратким

рассказом об ордынском воинском облачении. На этом заканчивается компактное описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди. По своему содержанию оно выходит далеко за рамки только географического. В нем немало сведений исторических, этнографических и многих других.

Отдельным направлением в тюркологии является изучение языка ханских ярлыков Золотой Орды, литературных памятников той эпохи и др. В XIV в. на территории Египта и Золотой Орды создается не только литература богословного и дидактического содержания, но и художественная, делаются переводы с арабского и персидского, развивался региональные литературные языки. Письменными памятниками этого периода исследователи называют «Юсуф и Зулейха», «Мухабат-наме», «Нахдх-альфарадас», «Таашшук-наме», Гулистан бит-турки», «Хусрау и Ширин» и др.

Изучение периода Золотой Орды проливает свет на выяснение многих вопросов истории, культуры и языка тюркских народов. К этому же времени относятся ханские ярлыки, написанные в XIV в. Поскольку по назначению это были деловые бумаги, то их немного и по количеству, и по объему. Но язык ярлыков с филологической точки зрения, представляет большую ценность благодаря своеобразной структуре, древним грамматическим показателям и моделям. Отдельные лексические элементы этого языка вышли из употребления или утратили свое первостепенное значение, приобретя другое, и сохранились лишь в виде корневых морфем.

Язык ханских ярлыков относится к т.н. «средневековому письменному тюркскому языку», он не был общенародным, доступным и понятным для всех. Это был письменный язык, которым пользовались лишь образованные люди, общий для группы тюркских языков, куда входили карлукский, огузский, кипчакский. Развитие его относят к периоду между XI и XV-XVII вв., т.е. до создания общенародных языков. Исследователи делят ханские ярлыки, написанные в XIV в., по времени и месту возникновения на четыре группы. К первым они относят ярлыки Токтамыса и Темир-Кутлуга периода Золотой Орды, ко второй группе – написанные в Казанском ханстве ярлыки Ибрагима и Сахиб-Герея, к третьей – ярлыки Хажи-Герея, Менли-Герея и др. из Крымского ханства и, наконец, ярлыки, письма и деловые бумага казахского ханства [8].

Основной массив информации о древних и средневековых монголах содержится в китайских летописях. «Юань-ши» – единственный источник, свидетельствующий об истории заимствования монголами уйгурской письменности, к которому восходят остальные китайские работы. «Синь Юань-шя» (257 глав) делится так же, как и «Юань-ши», на четыре большие части: – «Бэньцзи» (главы 1-26), «Бяо» (главы 27-53), «Чжи» (главы 34-103) и «Лечжуань» (главы 104-257). Структура этих 4-х частей несколько изменена по сравнению с «Юань-ши». В разделе «Бяо» заново составлены

генеалогические таблицы ханов трех монгольских государств – дома Чагатая, ханов Золотой Орды и ильханов Ирана.

Необходимо указать, что монгольское нашествие приостановило политический рост кыпчаков в рамках их собственного государственного развития и прервало этнический процесс, ведущий к образованию народности феодальной эпохи. Мамлюкская эпоха выдвинула большое число летописцев, биографов, историков, филологов, в сочинениях которых так или иначе отражались различные факты и явления этнического, социального и культурного плана. Установление дипломатических, торговых и военно-политических отношений с Золотой Ордой еще больше усилило взаимовлияние между мамлюками и Дашт-и Кыпчаком, откуда в Египет регулярно поступали рабы из покоренных монголами стран.

Находясь на высоком придворном посту и имея доступ ко всем необходимым материалам и документам, Абд аз-Захир (ум. в 1293) в своем биографическом сочинений «Видный сад в жизнеописании ал-Малик аз-Захира» (Ар-Рауд аз-Захир фи сират ал-Малик аз-Захир) приводит сведения о взаимоотношениях мамлюков с Золотой Ордой. В нем дается краткий дорожник от Крыма до Итиля, содержатся этнографические сведения о племенном составе населения Крыма, где в то время проживало довольно много выходцев из Дашт-и Кыпчака, сообщается о религиозной и идеологической ситуации в Золотой Орде [9]. Значительный фактический материал о связях султанов Мамлюкского государства с ханами Золотой Орды, о кочевниках Дешт-и Кыпчака в свете их этнической, политической и духовной культуры можно почерпнуть в трудах Ибн ал-Фу-рата (1334-1405), ал-Калкашанди (1355-1418), ал-Макризи (1364-1442), Ибн Тагриберди (1411-1465), Ибн Ияса (1448-1524) и др.

Одним из важных источников по истории кыпчаков следует считать путевые заметки знаменитого путешественника магрибинца Ибн Баттуты (1304-1377), объехавшего почти весь обитаемый мусульманский мир, – «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий» (Тухфат ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар). Особенно ценны картины повседневного быта в Золотой Орде, сведения о социальном устройстве, хозяйстве кыпчаков, их этнические характеристики, описания степных поселений и городов и многое другое, касающееся истории тюркских народов [10].

Еще одним автором тюркского происхождения, писавшим о событиях в кыпчакских степях после монгольского нашествия, был историк Кадыр Али Джалаири (1530-1605). Приводимые им локализации племен кыпчаков дают представление об этнической карте Центрального и Западного Казахстана в период между нашествием Чингис-хана и распадом Золотой Орды. Codex Cumanicus (CC) – свод законов команского языка. В своем анализе он опирается на издание Г. Кууна, опубликовавшего в 1981 году полный текст

СС с большим введением, примечаниями, приложением и исправлениями. Отмечается, что публикация Кууна вызвала в научном мире много споров, что повлекло за собой появление новых научных исследований. Однако, несмотря на обилие работ, касающихся СС, ряд проблем остается нерешенным [11]. В исследовании дается описание торговых путей, связей итальянских колоний с Золотой Ордой, которая была главным торговым партнером генуэзцев и венецианцев. Различные торговые соглашения, описанные в СС, свидетельствуют о том, что итальянцы использовали команский язык не только для коммерческих целей, но и для дипломатических контактов.

В середине XVII в. Абдулла Челеби Ризван Паша-заде написал «Таварих-и Дешт-и Кипчак» (Летописи Дешт-и Кипчака), представляющие собой краткую хронику правления крымских ханов до 1637 года. Для истории Ногайской Орды интересны упоминания о войне Мухаммед-Гирея I с нею 1523 г., о ногаях на Северном Кавказе в 1630-х годах. «Таварих-и Дешт-и Кипчак» изучались А. Зайончковским и были изданы им в Варшаве с французским переводом (1966). Приблизительно в середине XVIII в. крымский историк Саид-Мухаммед Риза создал «Ас-саб ас-сийар фи ахбар-и мулук-и татар» (Семь планет в известиях о татарских царях) – описание царствования семи ханов с 1445 по 1745 г. Здесь также рассказывается о проблемах, которые волновали знать полуострова в связи с ногаями.

Большую ценность имеют источники, оставленные калмыками – подразделением западных монголов-ойратов, переселившимся в Поволжье в первой половине XVII в. Хроники, сочиненные в ставках ханов и нойонов, описывали, в частности, занятие калмыками степей Волго-Яицкого междуречья, вытеснение оттуда и частичное подчинение ногаев – прежних властителей этой территории. Исходным моментом пребывания калмыков на их новой родине историки считали выход на Волгу и разгром на ее берегах ногаев в 1628 г. Европейские наблюдатели не посвятили ногаям ни одного специального сочинения. Этот народ и его кочевая империя оставались на периферии внимания западных современников. Они вспоминали и писали о ногаях главным образом в связи с Россией или же по ходу описания маршрута путешествия, если случалось проезжать через степи.

В 1394 году в турецкий плен попал баварский солдат Иоганн Шильтбергер (1380 – не ранее 1438). В течение последующих 33 лет он побывал во многих странах, в том числе в Золотой Орде, а в 1427 году бежал на родину, где описал свои странствия. О карьере и могуществе Эдиге слышал и другой европеец – Руи Гонсалес де Клавихо (ум. в 1412 г.), посол кастильского короля Генриха III к Тимуру в 1403-1406 гг. [12].

Следующим достойным упоминания западным эмиссаром был Мартин Броневский (ум. в начале XVII в.), направленный в 1578г. польским королем Стефаном Баторием в Крым к хану Мухаммед-Гирею II. Броневский прожил

в Крымском юрте более 9 месяцев и по возвращении описал свои впечатления о тамошних делах («Tartariae Descriptio», Описание Татарии). В частности, он показал роль ногаев в крымских династических распрях XVI в. и характер отношений Бахчисарая с Ногайской Ордой.

Монах-доминиканец Жан де Люк (Джованни Лукка) в середине 1620-х годов объехал крымское Причерноморье, Северный Кавказ и Закавказье. В повествовании о своем путешествии (оригинальное название неизвестно, подлинник утерян) он показал расселение, занятия и образ жизни ногаев, подчинявшихся Гиреям, а также буджакцев (Люк 1879). Коллега де Люка по ордену Эмиддио Дортелли д'Асколи в тот же период наблюдал жизнь Крыма изнутри, так как более чем на десятилетие осел там. По возращении в Италию, на основании личных наблюдений и расспросов, в 1634 году он составил «Descriptione del Mar Negro e della Tartaria» (Описание Черного моря и Татарии), где поделился сведениями о мятеже мангытского лидера Хантимура против бахчисарайских монархов и вообще о политической роли ногаев в ханстве, отобразил их этнографические особенности.

Приблизительно в то время, когда д'Асколи покинул Причерноморье, туда явился французский инженер Гильом де Боплан (ок. 1600-1673), нанятый польским правительством для возведения крепостей на Южной Украине. Он занимался делами фортификации восемнадцать лет (1630-1648) по поручению своего патрона, короля Сигизмунда III, вернулся во Францию и приступил к «Description d'Ukraine» (Описание Украины). Во время жизни в степях Боплан сталкивался в основном с ногаями Буджака и отвел им немало страниц в своем труде.

В середине XVI в. начались активные дипломатические и торговые контакты Московской Руси с Англией. После первого британского визитера – капитана Ричарда Ченслера (середина 1550-х гг.) – в течение нескольких десятилетий Московию посетила целая плеяда смелых, любознательных и целеустремленных англичан, разведывавших возможности русского рынка и маршруты в Персию и Индию. Выделим среди них Энтони Дженкинсона (ум, ок. 1611 г.), который четырежды приезжал в Россию, а в 1558-1559 и 1562-1564 гг., проделал путь от Москвы до Мавераннахра и Персии, отразив его в своем «Voyage» (Путешествие). Следуя по Волге мимо ногайских кочевий, он живо интересовался состоянием тамошнего населения.

Статус ногаев по отношению к России, их политическая независимость во второй половине XVI в. ярко предстают в труде шведского дипломата и историка Петра Петрея де Ерлезунды (1570-1622). Он неоднократно посещал Москву, начиная с 1601 г. Для цельности своего рассказа о Московии он попытался описать народы, с нею соседствующие.

Последние годы существования Большой Ногайской Орды застал немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий (Эльшлегер, 1603-1671), посетивший Россию в составе шлезвиг-гольштейнского посольства в Москву

в 1633-1634 гг. и в Персию в 1635-1639 гг. Его «Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung (Описание путешествия в Московию и Персию) в целом основывается на собственных наблюдениях. Те иноземцы, что находились на царской службе, были, конечно, более осведомлены о степных делах. Однако в их сочинениях основной упор делался на внутрироссийские проблемы, и данных о ногаях по сравнению с отчетами и воспоминаниями заезжих послов и купцов там очень немного.

Раннесредневековая история региона затронута в хронике «Джахан-наме» османского автора XVII в. Хаджи Халифы. Он пишет, что у устья реки Яик (Джанку) есть город Свандж (или Сваих), который ранее был столицей куманов, а затем был отстроен и заселен ногаями, чьи «ханы» ныне живут там [13]. Д. Девиз полагает, что Сарайчук являлся доисламским культурным центром Дешт-и Кипчака. Исследователи, изучавшие историю кипчаков IX-XII вв., приходили к выводу о том, что поселение на Яике служило центром правого крыла Дешта (центром левого был Сыгнак на Сырдарье). В то же время есть некоторые данные о принадлежности края к зоне расселения древнебашкирских племен. Эта зона достигала бассейнов рек Большого и Малого Узеней, Чагана, Чижинских разливов.

Материальные памятники Золотой Орды известны по находкам в древних татарских городах, таких, как Сарай-Бату, Сарай-Берке, и в ряде крымских поселений. Своим богатством они были обязаны торговле, дани и труду пленников. Более всего по средневековым описаниям и современным раскопкам известен Сарай-Берке. Предполагается, что некогда его население превышало 100 000 жителей. Кое-какие сведения историки получают во время раскопок поселений в Крыму, на месте Старого и Нового Сараев (столиц Золотой Орды на Волге), а также Каракорума в Монголии.

Классическая историография Золотой Орды. Как неоднократно отмечалось, проблему «империй степей» в мировой науке первым на высоком академическом уровне поставил выдающийся французский исследователь Рене Груссе. Ученый исходил их того постулата, что «великое варварство внезапно вторглось в область развитых исторических цивилизаций и в течение нескольких месяцев превратило римский, иранский или китайский мир в груду руин» [14].

Внутренняя история степей состоит из того, заключал Груссе, что орды тюрко-монголов сталкивались одна с другой из-за лучших пастбищ, и из бесконечных миграций от пастбища к пастбищу, происходящих в основном из-за нужд стада. Первостепенным фактором в человеческой истории является давление, оказанное этими номадами на цивилизованные империи юга, давление, постоянно повторяющееся до того момента, когда был осуществлен захват этих империй. Происхождение номадов диктовалось условиями, превалировавшими в их родных степях. Таким образом, Груссе во главу угла при разгадке феномена кочевых империй ставил природно-

климатический фактор. Однако, при более внимательном прочтении его работ выясняется, что это был бы слишком упрощенный подход [15].

Первоначальные завоевания монголов за пределами Коренного Юрта, собственно Монголии, насильственное присоединение тюркских народов Южной и Западной Сибири, Казахстана, Восточного Туркестана носили завуалированный характер, сопровождались использованием лозунга объединения «народов, живущих за войлочными стенами», т.е, пропагандой мнимого единства всех кочевников Центральной Азии. Весомой была роль тюрок в Золотой Орде и Чагатайском улусе, где монголов было мало, да и та область в которой они выбирали себе кочевья, была ограничена. Монголы на западных окраинах огромной империи Чингисхана, вошедших в состав Золотой Орды и Чагатайского улуса, смешались с местным тюркским кочевым населением – в основном кыпчаками, восприняв их обычаи и язык. Здесь монголы не образовали компактного массива населения, где бы сохранились их традиции, язык, обычаи и нравы. Рассредоточенные на обширных просторах Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии члены правящих домов Чингизидов и их окружение из числа монгольской аристократии быстро теряли свои этнические черты, о чем свидетельствует арабский автор XIV в. ал-Омари. Хотя самая высокая аристократия, ханский дом, члены царствующей фамилии, крупные кочевые феодалы помнили и гордились своим монгольским происхождением, даже будучи в значительной степени тюркизированы. Они составляли небольшой процент населения Золотой Орды и Чагатайского улуса.

Концептуальную разработку истории монгольских завоеваний представил английский ученый Ю. Филлипс в своих книгах «Царственные орды: кочевые народы степей» и особенно в монографии «Монголы». Историю монгольской империи Филлипс видит состоящей из четырех периодов, каждому из которых посвящен раздел его книги. В первом разделе автор рассматривает монголов и монгольское общество в начале XII века как носителей кочевой традиции степи. Вторая часть книги посвящена истории завоеваний при Чингис-хане, его карьере и создании единого монгольского государства. В третьей части Филлипс рассматривает ситуацию в монгольском государстве при ближайших преемниках Чингис-хана – Угедее, Гуюке и Мунке. И наконец, последняя часть посвящена развитию государств-наследников Монгольской империи – Китая при Юанях, Ирана при ильханах, Средней Азии при чагатаидах и Золотой Орды.

При Абу Саиде (1316-1335) государство иль-ханов столкнулось с внутренними междоусобицами. Этим воспользовался Джанибек (1342-1357), который распространил власть Золотой Орды к югу от Кавказа. В 1357 году он захватил Тебриз, где умер, вероятно от чумы, которая распространялась в это время по Среднему и Ближнему Востоку на своем пути в Европу. Официальной датой прекращения существования Монгольской империи

Б. Брентьес и Л. Альбаум предлагают считать 1368 год, когда власть монголов в Китае была свергнута, и им на смену пришла династия Мин [16].

Во второй половине XIV в. Золотая Орда теряет доминирующие позиции в Восточной Европе. Чтобы противостоять усилению Москвы Золотая Орда была вынуждена пойти на союз с Литвой, однако Дмитрий Донской успел разгромить силы Мамая на Куликовском поле 8 сентября 1380 года до их соединения с Ягайло. На некоторое время Золотой Орде удалось восстановить свое могущество при Тохтамыше, но тем более ужасным был последующий разгром [17]. Этот автор считает, что Тохтамыш был способен стать величайшим властителем Золотой Орды; его политический горизонт простирался от Балтийского моря до Египта и Ирана. Он установил дружественные отношения с Польшей и Литвой, стремился создать союз с египетскими мамлюками и устранить стратегическую угрозу Орде со стороны Туркестана (Самарканда) и Ирана, которые попали под власть Тимура. Первым шагом в этом направлении было подчинение Белой Орды в низовьях Сыр-Дарьи. В 1382 году Тохтамыш восстановил власть над Москвой. Однако его стратегической ошибкой была поддержка Тамерлана, или Тимура, с которым он пришел в столкновение из-за Кавказа. В 1395 году он был разгромлен последним и потерял контроль над Ордой, а власть перешла к нечингизиду Эдиге. Смерть этого фактического правителя западного улуса бывшей монгольской державы в 1419 году стала началом конца Золотой Орды. На обломках созданного Бату-ханом государства возникли Крымское, Казанское и Астраханское ханства. При Менги Гирее Крым избавился от влияния генуэзцев и присоединил бывшую столицу Золотой Орды Сарай в 1502 году. Этот момент считается официальным завершением истории Золотой Орды, от которой еще ранее отпало Казанское Ханство, а в 1438 году появилось т.н. Великая Орда. Крымские властителя рассматривали себя в качестве законных преемников Золотой Орды и тем самым ее правопреемниками в отношении Руси. Оценивая историческую роль Крымского Ханства, Синор делает вывод, что в течение более чем двух столетий оно играло выдающуюся роль в международных отношениях в Восточной Европе. Крымская конница широко и эффективно использовалась Турцией и Польшей против России, Швеции, германских государств и Венгрии. Но крымские ханы были не только правителями солдат, но и покровителя наук и искусств. Казанское Ханство возникло в результате междоусобиц внутри Золотой Орды в середине XV века. Официальной датой институализации Казани можно считать 1445 год. Синор считает, что эти государства, наследники Золотой Орды имели мало шансов на выживание. Последний властитель Астрахани Дервиш Али был лишь номинальным владыкой, «марионеткой в руках русского царя».

Монгольская эпоха стала фундаментом для создания т.н. евразийской теории Г.В. Вернадским, профессором Йельского университета. Эта

концепция была изложена им в третьем томе его «Истории России» (1953), который посвящен татаро-монгольскому периоду (XIII-XV). В этом фундаментальном исследовании, основанном на превосходном знании источников и русской дореволюционной, советской и западной литературы, оригинально трактуется влияние монгольского, или монголо-тюркского правления на формирование российского государства. Суть концепции Вернадского лежит в признании за монголами приоритета в создании евразийской исторической общности. Автор сформулировал основные аспекты воздействия монголов на государственность, экономику, социальные отношения и культуру завоеванных русских княжеств.

Г.В. Вернадский исходит из того, что во время монгольского нашествия были уничтожены городские демократические институты Восточной Руси, которые процветали в Киевский период. Сотрудничество между монголами и князьями против политического института вече в городах привело, согласно Вернадскому, к формированию на Руси нового, более авторитарного и деспотического типа правления, которое было адекватно ордынской форме государственности. Однако Орда, отмечает Вернадский, упорно сопротивлялась укреплению какого-либо княжества, и только чрезвычайные обстоятельства заставили Тохтамыша, а затем его преемников согласиться на территориальное увеличение Московского княжества.

Другим важным для укрепления российской государственности шагом, делает вывод автор, было признание монголами династийных прав русских князей (Рюриковичей, Гедиминовичей и др.) согласно принципу одного правящего дома. Оно подкреплялось ханским пожалованием (ярлыком) и облегчило признание русскими монгольского сюзеренитета. Кроме того, ханы обладали верховной судебной властью над русскими княжествами; русская православная церковь была защищена ханским ярлыком от любых посягательств на ее права и привилегии. Все эти элементы политической жизни Орды и Руси постепенно как кирпичики сложились в фундамент того, что Вернадский называет «евразийской общностью». После ослабления Орды естественной стала большая автономизация русских земель, однако русские князья посчитали удобной для себя монгольскую систему управления и оставили ее без изменений. На основе монгольских принципов была создана в конце XIV-начале XV вв. великокняжеская система налогообложения и организация армии [18].

Ю. Филлипс в своей книге посвящает специальную главу Золотой Орде. Сменив своего отца, Джучи, в качестве кипчакского хана Бату унаследовал обширные владения, простиравшиеся от Арала до Восточной Европы. К моменту его смерти в результате всех военных походов западная граница проходила от устья Дуная на север через Карпаты до Холма (совр. Хелм в Польше) и Люблина, а затем на северо-восток до Финского залива и

Ладожского озера. Неопределенная северная граница пролегала вдоль лесов, пока он не присоединил верховья Оби. Восточная граница шла на юг от Оби через Иртыш до низовий Амударьи и Сырдарьи. Южная граница шла от Амударьи На запад до берега Каспийского моря залива Кара-Богаз-Гол, а от западного берега Каспия от Терека на юг и затем на север до Черного моря. Не все эти территории подчинялись непосредственно хану.

Классическим считается книга двух выдающихся советских историков – академиков Б.Д. Грекова (1882-1953) и А.Ю. Якубовского (1886-1953) «Золотая орда и ее падение» (1950). Несмотря на то, что впервые книга увидела свет в 1950 г. и не избежала идеологических установок того времени, многие положения этого труда остаются актуальны и по сей день [19]. Исследователи заключили, что в результате монгольских походов на огромной территории Дешт-и-Кыпчак и ряда смежных с ним областей образовалось большое государство, именуемое в восточных источниках Улусом Джучи, или Синей Ордой. В русских летописях государство это называется Золотой Ордой, хотя до сих пор не выяснено, как и почему возникло это последнее название.

В мусульманских источниках (арабских, персидских, тюркских) имеются три термина – «Улус Джучи», «Кок-Орда» и «Ак-Орда», – каждый из которых или совпадает с Золотой Ордой, или является ее частью, или перекрывает ее. Трудно установить точные границы Улуса Джучи, особенно по линии обширных степей, составлявших основную часть джучиева юрта. На северо-востоке в состав Золотой Орды входил Булгар с его областью, на севере граница проходила по русским княжествам, на юге Золотая Орда владела с одной стороны Крымом с его приморскими городами, с другой – Кавказом до Дербента, а иногда и до Баку, также северным Хорезмом с городом Ургенчем, на западе – степями от Днестра и дальше, а на востоке – до Западной Сибири и до низовьев Сырдарьи.

Золотоордынские ханы, начиная с Бату, фактического основателя нового монгольского государства, прекрасно сознавали, что представляет собой в экономическом отношении тот юго-восток Европы, куда они пришли в качестве завоевателей и организаторов нового государства. Бату принимал участие во всех главных военных предприятиях монголов (татар), отправляя свои отряды на помощь основному войску и рассчитывая, конечно, получить свою долю добычи. Бату-хан много сделал, чтобы вернуть всем завоеванным областям былую торговую жизнь, которая так резко оборвалась в связи с опустошением в результате монгольского завоевания. И во всем этом Бату много проявил жестокого уменья и дальновидности. При Бату сношения Золотой Орды с центром монгольской империи были вполне налажены.

По примеру организации войска Чингис-хана и у золотоордынских ханов была, по-видимому, гвардия, главным образом из феодально-аристократической верхушки (преимущественно молодежь), называвшаяся

кэшик. Держа в своих руках командные места в войске, которое состояло из феодально зависимого же кочевого и полукочевого населения Дешт-и-Кыпчак, феодалы Улуса Джучи могли чувствовать себя фактически хозяевами государства и в случае расхождения с политикой своего хана противопоставлять ему свою твердую волю. При такой своей военной силе они не могли не придать всему государству Золотой Орды военно-феодального характера. И это тем более верно, что Орда беспрерывно вела военные действия то против своих соседей, а то и просто против некоторых нойонов или эмиров: например, длительная борьба во второй половине XIII в. золотоордынских ханов против знаменитого темника Ногая.

В Золотой Орде ханской властью раздавалось огромное количество земель с сидевшими на них крестьянами, причем в ряде случаев дарственные ярлыки сопровождались ярлыками тарханными, т.е. грамотами, освобождавшими население данной земли от всех или большинства повинностей в пользу государства и, тем самым, предоставлявшими большую часть прибавочного продукта непосредственного производителя в пользу феодального владельца. Высшей точкой военного могущества Золотой Орды было время Узбек-хана (1312-1342). Его власть была одинаково авторитетна на всех землях его обширных владений. Первые признаки упадка появились уже при Джанибек-хане (1342-1357). Ак-Орда, т. е. Белая Орда, являвшаяся с военной точки зрения левым крылом войска Улуса Джучи, в русских источниках именуется Синей Ордой. Трудно точно установить границы Ак-Орды. В Дешт-и-Кыпчак, в том числе и в степях Ак-Орды, основную массу кочевого населения составляли кыпчакские племена. Монголы не внесли коренных изменений в этнический состав кыпчаков, напротив того – монголы сами подверглись отюречению; на примере двух больших монгольских племен – кунгратов и мангытов, которые стали впоследствии называться ногаями. Падение Золотой Орды ученые связывают с походами Тимура.

1-й том «Кембриджской истории Ислама» был создан усилиями интернационального коллектива, среди которых были Б. Шпулер, А.Н. Курат, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькежей, К. Лэмбтон, Б. Льюис и другие. Общий фон к частям, относящимся к истории Средней Азии, задал немецкий востоковед Б. Шпулер, который предложил рассматривать исламские цивилизации Золотой Орды и Средней Азии как самоценные явления, а роль кочевников в истории региона как дестабилизирующий элемент. Эта концепция о цивилизирующей роли ислама в тюркском мире была охотно поддержана его коллегами [20]. Б. Шпулер, известный как «остфоршер» (т.е. участник исследовательской программы по изучению СССР и соцстран), остается все же одной из крупнейших фигур германской ориенталистики XX века. В 1939 году он вошел в монголоведение с монографией «Монголы в Иране», в которой нашла отражение

полуторавековая история ильханов в Иране. Но для нас представляет прежде всего другой выдающийся труд Б. Шпулера – «Золотая Орда: монголы в России в 1223-1502 гг.» [21].

По сути дела, Б. Шпулер создал подлинно научную концепцию изучения того, что было мифологизировано под названием т.н. «татаро-монгольского ига». Б. Шпулер считал историю Руси XIII-XV вв. неотъемлемой частью истории Золотой Орды на основе политического, экономического, культурного и генетического синтеза номадов и их протагонистов – оседлых жителей Восточной Европы. В дальнейшем эти идеи Б. Шпулера о симбиозе кочевого и оседлого обществ получили развитие в его многочисленных трудах, посвященных как монгольской эпохе, так и истории Центральной Азии в средние века. Одним из непреходящих достоинств первого и последующих изданий «Золотой Орды» – подробная генеалогия золотоордынских ханов. Среди других важных работ Б. Шпулера по монголистике следует назвать книги «Монголы в истории» (1961), «История монголов в восточных и европейских свидетельствах 13-14 веков» (1968) и его доклад на XIV международном конгрессе историков в 1975 г. «Монгольский номадизм в оседлом обществе: Золотая Орда».

Книга английского медиевиста Чарльза И. Гальперина «Русь и Золотая Орда: вклад монголов в средневековую русскую истории» (1987) вызвала в свое время разноречивый отклик как среди специалистов по средневековой истории, так и в кругах, увлекающихся чтением литературы о прошлом. Интерес, прежде всего, подогревался неординарным подходом к проблеме, обусловленным коренной ломкой старых представлений о почти трехсотлетнем доминировании монгольской модели государственного правления на пространстве Евразии. Автор отказался от ортодоксального осмысления одного из самых долговременных периодов передела мира по параметрам истоков и причин имперских захватов, а также их последствий с точки зрения дальнейшего развития. Как независимый исследователь, свободный от «пытки патриотической критикой», Гальперин в сопоставительном ряду анализирует как первоисточники древнерусской литературы, так и обширный массив трудов востоковедов золотоордынского периода с позиции корреляции между укреплением державы монголов и социально-политической эволюцией ее провинций, напрочь отвергая расистский концепт в отношении «варваров-кочевников». Используя метод компаративного сопоставления, а также лингвистического анализа, Гальперин дает исчерпывающую картину функциональным возможностям «идеологии умолчания», используемой еще средневековыми летописцами.

Вот как излагает Гальперин «русскую теорию» монгольского правления. Он пишет, что монгольское завоевание и последовавшие за ним годы угнетения породили весьма щекотливую проблему для христианских авторов и интеллектуалов России. Нестандартность межгосударственных и

зачастую деловых сношений Руси с ненавистными религиозными врагами и до этого создавали, конечно, определенные трудности для восточных славян, в течение многих веков торговавших, заключавших браки и союзы со степными визави. Русские летописцы долгое время учились обходить стороной рискованные по своим последствиям умозаключения по поводу сложившейся ситуации с помощью идеологии умолчания, как это делали в подобных обстоятельствах христианские и мусульманские ученые мужи по всему периметру средневековых этнорелигиозных границ.

С осуществлением же монгольского завоевания русские столкнулись с новой и гораздо большей угрозой религиозным и интеллектуальным основам их культуры: они, опора и представители непобедимого бога, скоротечно и без проблем были покорены языческими ордами, мощь которых на обозримое будущее, казалась, непреодолимой. Решение этой второй интеллектуальной проблемы со стороны русских исходит из тех же подходов, что и при решении первой задачи [22].

Неоднозначный статус Руси в составе Золотой Орды, отсутствие режима постоянного пребывания монгольских войск, а также наследие контактов со степными кочевниками еще с киевского периода, все это в сумме дало русским возможность избежать как глубокого переосмысления, так и предания широкой огласке характера взаимоотношений между Русью и монголами. Два момента способствовали этому: правление Русью вне ее пределов, а также господствовавшая киевская идеологическая традиция [23]. Английский ученый Дж. Э. Бойл (Кембридж) исследовал титулатуру основателя Золотой Орды Бату-хана [24]. Он пришел к выводу, что распространенный титул Бату «Саин-хан» эпитет означает не «добрый» или «умный», а просто «покойный».

К числу государств-наследников Золотой Орды следует отнести и Астраханское ханство. Первым обратился к специальному изучению истории государства в Астрахани Х. Ховорс (Хоуорт). «Среди осколков Золотой Орды Астраханское ханство имело все основания, чтобы считаться законным наследником ее древнего могущества. В действительности это и была Золотая Орда со значительно уменьшившейся территорией, ограниченная современными (Ховорсу) Астраханским и Кавказским губернаторствами, но она была под властью князей того же рода и, очевидно, контролировала каспийскую торговлю. Вполне возможно, что после смерти Кучук Мухаммеда два его сына – Махмуд-хан и Ахмед-хан как-то разделили Орду между собой, и частью Махмуд-хана оказалась нижняя Волга». Почти вся последующая научная (и ненаучная) литература, касающаяся Астраханского ханства, являлась, по сути, развитием (или повторением) этих положений британского востоковеда.

Одной из наследниц Золотой Орды – наряду с Казанским, Астраханским и Крымским ханствами – была Ногайская Орда. Как пишет

советский/российский исследователь В. Трепавлов [25], в истории некоторых народов Евразии существовал так называемый ногайский период. У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и др.) сложился общий пласт героического эпоса, так называемый ногайский цикл, повествующий об Эдиге и его потомках. Сама фигура родоначальника мангытских биев Эдиге была сакрализована казахами и каракалпаками, которые почитали его как покровителя лошадей.

Долгое время европейские и американские исследователи кочевых народов обделяли вниманием Ногайскую Орду. Связанные с ней сюжеты появлялись обычно в компилятивных работах, где пересказывались книги, статьи и публикации источников в переводах на западные языки.

Крупнейшей из таких компиляций была четырехтомная «История монголов» Х. Ховорса, впервые изданная в 1876-1927 гг. [26]. Не зная восточных языков, автор скомпоновал в соответствующем разделе все доступные ему сведения из Н.М. Карамзина, Й. Хаммер-Пургшталя, других историков, европейских переводов и пересказов мусульманских сочинений и изложил историю ногаев, которую представлял себе весьма смутно. Однако еще долго книга Х. Ховорса являлась для европейских читателей одним из основных пособий по истории Дешт-и Кипчака.

В то же время на Западе шла работа над переводами и публикациями восточных источников, имеющих отношение к нашей теме. Отметим работы польских историков по крымским письменным памятникам [27]. Большое значение для изучения тюркских Юртов XV-XVI вв. имели многолетние разыскания в турецких архивах, предпринятые А. Беннигсеном, его учениками и коллегами. Серия их публикаций помогла тем исследователям, которые не имеют доступа к документам султанской канцелярии или не читают на турецком языке.

Что касается турецкой историографии, то она привлекает рядом разработок, связанных с османской политикой на юге Восточной Европы, в Северном Причерноморье. Благодаря усилиям нескольких поколений ученых скопился обширный материал для анализа и исследований по истории Ногайской Орды. При этом лишь в единичных монографических трудах ногаи выступали как центральный объект изучения. У большинства авторов они являлись лишь фоном для основной темы — истории России, Казанского или Крымского ханства, Турции.

История Золотой Орды в современном монголоведении. Данная статья вызвана к жизни взрывным ростом интереса к средневековой истории Центральной Евразии, в частности – возникновению, экспансии и закату Монгольской державы и ее наследниц. Для современной монголистики характерно переиздание классических трудов, существенно переработанных, расширенных и обновленных с учетом новых источников, методологий исследования и расширения научного инструментария. Важный вклад в

развитии монголистики и тюркологии внесли российские ученые, до недавнего времени принадлежавшие вместе с нами к единой советской научной школе. Нельзя не обратить внимание на наблюдающийся в последнее время всплеск интереса в мировом востоковедении к монгольской эпохе как историческому и географическому феномену. Основы современного монголоведения, разумеется, были заложены еще в XX веке; современная наука не оставляет попыток изучить данный феномен с различных ракурсов. Все это вполне объяснимо, принимая во внимание какое влияние оказали монгольские завоевания, Монгольская империя и ее преемники в лице Золотой Орды, ильханидского Ирана, империи Тимура, юаньского Китая и других эпигонских образований оказали на историю Евразийского континента и населяющих его народов на протяжении нескольких веков.

Монгольский период в истории кочевых цивилизаций является наиболее изученным в мировой историографии, и одновременно это наиболее блестящая эпоха в истории номадов Евразии, которые коллективными усилиями создали невиданную до них по размерам, могуществу и влиянию империю в истории человечества. До сих пор не ослабевает интерес к изучению феномена Монгольской империи, которая стала географическим прообразом других колоссальных по территории образований Евразии. История Казахстана и Центральной Азии естественным образом связана с этим периодом.

Основой для любого исторического исследования является источниковедение. Для понимания монгольской эпохи таким источником основного значения остается «Сокровенная история монголов» – хорошо изученное апокрифическое сказание не совсем ясного происхождения. В 2005 году на Западе оно было издано с исследовательскими комментариями монгольского ученого О. Ургунге. На русском языке переиздание сказания имело место в 2018 г. Издание базировалось на современном переводе текста (В. Минорского и Г. Вернадского), дополненном фрагментами законов (из Ясы) и высказываний (биликов) самого Чингисхана. В приложении представлены извлечения из тюркских (Абул-Гази), персидских (Рашид ад-Дин), китайских и европейских источников (Дж. Карпини и Г. де Рубрук). В настоящий момент это наиболее полное и фундаментально подготовленное издание знаменитого источника на русском языке, которое рекомендуется всем, кто интересуется монгольской тематикой [28].

По истечении почти трех десятилетий после распада СССР и, соответственно – единой советской науки и ее идеологии, пути исторических школ в разных постсоветских республиках неизбежным образом расходятся. Национализм как часть идеологии естественным способом занимает место марксизма, работая в пользу формирования национальных государств на их

месте. Не являются исключением в данном случае российская и казахстанская историографии.

В этом плане представляет интерес судьба евразийской идеи. Если в современной России она служит фундаментом для выстраивания концепции о единстве Евразии в лице Российской империи (которая якобы была в своей непростой истории образцом этнической и религиозной толерантности) и СССР, в котором интернационализм, пусть даже фиктивный и нарочитый, все же являлся основой идеологии, то в Казахстане евразийство апеллирует к концепции Великой Степи, единства тюркского (тюрко-монгольского) мира и вкладу кочевой евразийской цивилизации в мировую историю.

Естественно, что подобными веяниями не могла быть не затронута и область монгольских исследований (включая историю ее составных частей и государств-эпигонов). Однако еще в России, Казахстане и ряде других республик бывшего СССР остается группа ученых-ветеранов, продолжающих работать в парадигме, заданной в советскую эпоху и обусловленную сформированными тогда их мировоззрением, предпочтениями и опытом.

К числу таких историков, без всякого сомнения, должен быть отнесен Вадим Винцерович Трепавлов – автор многих монографий по истории половцев, монголов, тюркских и других кочевых народов, а также по истории великих степных империй Евразии. В 2018 году была переиздана его комплексная монография «Степные империи Евразии: монголы и татары». Интересна история создания самой монографии: она включает три работы, изданные в разные годы. Это исследование о государственном строе Монгольской империи, истории (неизданной) Русского княжества в татаро-монгольскую эпоху и Куликовской битвы и часть «История Татар» (в т.ч. работы по Золотой Орде и Большой Орде) [29].

В своей новой работе В.В. Трепавлов дополняет и пересматривает ряд устоявшихся представлений на историю кочевой Евразии. Так, частности, он обращается к вопросу о т.н. Вечном Эле (смена династий, но не населения), ставит под вопрос о тотальном доминировании тюрок в домонгольскую эпоху и поднимает вопрос о роли персоязычных племен (алан-асов, племени Ширин) в Монгольской империи, приводит в пример феномен найманов (синтез монгольского и тюркского). Во главу угла ученый ставит тезис о постоянной тенденции к объединению кочевого мира в политическом смысле и параллельно существовавшего института атомизированных мелких кочевых хозяйственных коллективов. В.В. Трепавлов пришел к выводу, что в организации традиционного для кочевников улуса, пребывавшего в своего рода летаргии в периоды между возникновением и исчезновением степных держав, всегда содержался потенциал для превращения его в кочевую империю при наступлении благоприятных условий.

В.В. Трепавлов уверен, что Монгольская империя, завершив историю великих кочевых держав, довела до совершенства механизм объединения номадов, который до того периодически запускался в действие на протяжении полутора тысячелетий. Он полагает, что при создании Монгольской империи проявилось явление «империофилии», которое обычно сопровождало формирование молодых империй, т.е. наличие твердого государственного порядка и возможность военной защиты от традиционных противников, а также доступ к огромным ресурсам завоеванных территорий. По его убеждению, феномен «монголофилии» ярко проявился во время первых завоевательных походов добровольным вхождением тюркских народов Южной Сибири и Восточного Туркестана.

Тенденция к объединению Степи после Монгольской империи угасла вместе с уходом кочевничества с мировой исторической арены как политической и военной силы. В своей книге автор подвергает критике подход казахстанских историков к цветообозначению и взаимному расположению Ак-Орды и Кок-Орды – самостоятельных провинций-крыльев Улуса Джучи, которые утвердились во мнении, что это деление относилось только к Восточной части Улуса (т.е. левому крылу). По его мнению, деление на крылья в ходе развития улуса превратилось в абстракцию, или традицию – простое обозначение ранга племен и их предводителей.

Вторая часть монографии В.В. Трепавлова посвящена Золотой Орде, которую он характеризует как исторический феномен. По его мнению, уникальность этого государственного образования заключалась в первую очередь в сосуществовании под одной государственной крышей двух цивилизаций – кочевой, тюрко-монгольской и впоследствии – мусульманской, и оседлой – русско-славянской и православной. Завершает книгу третья часть, освещающая историческое место т.н. Большой Орды (Тахт Эли) – последнего элемента Золотой Орды на юге Восточной Европы (в основном междуречье между Волгой и Днепром), оставшегося после ее распада на различные ханства, орды и юрты. В.В. Трепавлов изучает государственность, экономику, территорию, этнический состав, политическую историю и международное положение этого локально-временного исторического явления.

К числу около научно-популярных изданий по данной тематике следует отнести работу М. Бургана «Империя монголов» (2009). Концептуальная схема, выбранная автором, чрезвычайно проста: Чингисхан создал колоссальное образование от Кореи до Восточной Европы в истории Евразии и всего человечества, контролируемое всего одним семейством. Основным содержанием истории монгольской державы была борьба между номадизмом и оседлыми цивилизациями. Объединенная монголами евразийская держава обеспечила стабильный режим международной торговли, создала новые формы коммуникаций и демонстрировала

религиозную толерантность. В плане преемственности военной тактики и стратегии, а также структуры власти автор проводит линию от Чингисхана и Хубилая к Тамерлану и до русских царей [30].

Не являются исключением и исследования Питера Джексона. Еще в 2005 году была опубликована его книга « Монголы и Запад: 1221-1410» (т.е. от появления монгольской армии на подступах к Европе до битвы при Танненберге). Основной идеей работы является мысль о том, что монголы для христианского мира были одновременно и союзниками (спасшими от уничтожения франкские принципаты на Святой земле, христианские посольства и паломников от уничтожения арабами и мамлюками).

Монография П. Джексона «Монголы и исламский мир: от завоевания до конверсии» (2017) продолжает данную тему. Под конверсией он понимает ассимиляцию завоевателей более развитыми цивилизациями, в данном случае – исламской. Но больше внимания П. Джексон уделяет урону, которые принесли монголы различным частям исламского мира, включая Иран, Ирак (т.е. Халифат), Турцию, Афганистан, Среднюю Азию (Хорезм) и часть Восточной Европы. Если монголам удалось установить политическое господство, то в культурном плане произошло обратное: принятие ислама и цивилизационно-лингвистическая конвертация [31].

Ранее (2003) данную тему затрагивал Дж. Лэйн в своей работе «Монгольское правление в Иране в XIII веке и персидское возрождение». Автор исходит из того, что т.н. иранское возрождение было длительным процессом, начало которому было положено задолго до монголов в период активизации культурных, политических и языковых контактов персидского ареала с тюркским миром. Монгольскую тематику Дж. Лэйн продолжил в монографии «Повседневная жизнь Монгольской империи» (2006). Ученый описывает обычный быт кочевников в юрте на основе анализа традиционного фольклора, их пищевой (в основе мясной) рацион, роль алкоголя, каждодневную одежду и религиозные верования. Следует отметить, что столь отдаленные с историко-хронологической точки зрения сюжеты на стыке с этнографией, базирующиеся на скудных источниках при отсутствии у монголов собственной развитой письменности и исторической культуры, являются крайне редкими в исторической науке [32].

Коллективный труд «Монгольский Средний Восток» под редакцией Бруно де Никола и Чарльза Мельвиля (Кембридж, Великобритания) продолжает тему трансформации монгольских завоевателей в покоренном Иране, который в свою очередь также претерпел при монгольских ильханах политико-экономическую трансформацию. Исторический сборник охватывает период 1258-1335 гг. Книга состоит из четырех частей, охватывающих соответственно установление правления ильханов, внутреннюю и внешнюю политику, и наконец – завершение этой главы в истории Ирана. Но отдельные главы посвящены в целом роли монгольского

фактора на Среднем и Ближнем Востоке, и шире – для всей средневековой Евразии и отношениям с Китаем [33].

Исследование Александра Широкорада «Русь и Орда» представляет собой пример синтеза истории и актуальной политологии. Автор, будучи военным историком, почти все 26 глав своей книги посвящает военным кампаниям далекого и недавнего прошлого. Подробно в работе описан ход завоевания Руси татаро-монголами, анализируется роль князя А. Невского и отношения завоеванных русских земель с Золотой Ордой. Но постепенно фокус исследования перемещается к крымской проблематике [34].

К числу переизданных классических трудов следует отнести в первую очередь книгу князя Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана», одного из основателей евразийской теории (на основе статьи: Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока». – Берлин, 1925. - 60 с.). Автор исходил из того, что для него Чингисхан был не столько завоевателем, а прежде всего великим организатором. Основная мысль евразийского философа сводится к тому, что «Потрясатель Вселенной» выполнил грандиозную историческую задачу по государственному объединению значительной части континента. Сделал он это через объединение Степи, а затем на этой территориально-государственной и военно-материальной основе – всей Внутренней Евразии [35].

Другим переизданием является книга небезызвестного Мурада Аджи (Мурад Эскендерович Аджиев – г.ж. 1944-2018 гг.) «Сага о великой степи», в основу которой была положена нашумевшая публикация автора «Без Вечного Синего неба» [36]. В отличие от других своих предшественников-евразийцев, М. Аджи ставит во главу угла вклад в историю и культуру Евразии не монголов, а тюрок. Данная идея проходит красной нитью через его известные труды – «Полынь Половецкого поля», «Европа. Тюрки. Великая Степь», «Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи», «Кипчаки. Огузы», «Тюрки и мир: сокровенная история» и др. В книгах изложена авторская гипотеза о становлении тюрков как народа на Алтае и о их расселении по Евразии, о жизни и быте народа, о его духовной культуре, о предполагаемых автором следах Великого переселения в Индии и Персии, на Кавказе и Урале, в Византии и Риме, в Европе.

Автор пытался показать, как в итоге переселения и освоения новых территорий формировалась страна Дешт-и-Кипчак, территория которой в 1-м тысячелетии предположительно простиралась от Байкала до Атлантики и включала в себя значительную часть территории современной России. Результаты своих изысканий Аджи изложил в 1994 году в книге «Полынь Половецкого поля. Многие из европейских и азиатских народов, таких как болгары, венгры, корейцы, сербы, русские, казаки, украинцы, англичане, французы и другие, по Аджи, являются потомками тюрок-степняков, растворившихся среди других народов и забывших свои корни. Государство

степняков Дешт-и-Кипчак просуществовало до XVIII века и погибло после походов Петра I, покорившего свободные казацкие земли.

В серии ЖЗЛ была вновь издана дополненная историческая биография А. Карпова «Батый» (2011), носящая явный антимонгольский характер. По мнению автора, личность Батыя занимает особое место даже в ряду других кровавых завоевателей, ибо с его именем связано страшное монгольское нашествие, обрушившееся на Русь в конце 30-х годов XIII века. По силе разрушительного воздействия на ход русской истории оно не имеет себе равных. Это нашествие унесло жизни огромного числа людей, стёрло с лица земли сотни, если не тысячи городов и селений, до основания разрушило экономику страны, свело на нет целые отрасли ремёсел, безвозвратно сгубило бесценные памятники культуры, на два столетия поставив Русь на колени и едва не уничтожив саму русскую государственность [37].

Еще одним переизданием является книга Р. Рахманалиева «Империя тюрков. История великой цивилизации» (2009). Книга рассказывает об истории крупных государственных образований, к которым в той или иной степени можно применить термин «империя». История тюркского мира изложена автором в следующей последовательности: Тюркские народы с X в. до н.э. по V в. н.э.; Империя Атиллы; Великий тюркский каганат. Уйгурский каганат; Тюрки в мусульманском мире; Империя Чингисхана; Империя Амира Темура; Османская империя [38].

В серии Библиотеки военной и исторической литературы изданы материалы, относящиеся к эпохе Чингисхана, в том числе включенными текстами «Ясы» и «Билика» (изречений Чингисхана). Приведены также свидетельства современников завоевателя из числа китайских послов-разведчиков и европейских миссионеров. В сборнике можно найти много сведений о военном искусстве монголов, их тактике и стратегии и организационной структуре монгольской армии, целях военной доктрины «единого самодержавия» [39].

Исследование Майкла Попа (университет Йонси) «Политика и традиции в Монгольской империи и Иране при Ильханах» представляет собой интерпретацию процесса, который привел к эволюции улуса ранней монгольской державы в успешное мусульманское государство всего Среднего Востока после 1258 года, известного как улус ильханов. Автор проводит детальное изучение происхождения и суть различий между двумя основными носителями политической культуры чингизидов. По его мнению, к отколу державы ильханов от монгольского домена привели также и противоречия идеологического характера, логично вытекавшие из политических. Идеологический раскол усилился в дальнейшем и вступлением монгольских правителей Ирана в ислам, причем в его шиитской форме, что отразилось на противостоянии с другими улусами, принявшим ислам в суннитской форме, в первую очередь с Золотой Ордой [40].

В 2018 г. Франческа Фьячетти (Еврейский университет в Иерусалиме) предприняла переиздание классического труда Пола Бьюэла (независимый исследователь, Сиэтл) «Исторический словарь Монгольской мировой державы» (2003). Данный словарь охватывал терминологию по истории монголов доимперского периода, собственно Монгольской империи и эпохи наследников Чингис-хана уже после потери единства державы. Второе издание существенно расширило исторические материалы, выходя далеко за рамки просто терминологического толкователя. Сборник включает в себя хронологическую часть, различные таблицы по криптологии, глоссарий, биографические справки, эссе по экономике, политике, религии, внешней политике и культуре Монгольской империи (всего 900). Таким образом, расширенное переиздание работы П. Бьюэла не только обогатило мировую монголистику, но и стало первоклассным источником для всех исследователей, кто занимается монгольской эпохой [41].

Рассматриваемый выпуск Трудов Института востоковедения РАН содержит сборник статей, подготовленный международным коллективом авторов, и посвященный актуальным проблемам кочевниковедения. В книге рассмотрен вклад номадов древности и средневековья в культуру оседлых цивилизаций, проанализированы контакты тюркских кочевников с соседними народами, освещен ряд вопросов их этногенеза, археологии, антропологии, идеологии, военного дела. Материалы сборника охватывают период с эпохи хунну до современности и включают данные по Восточной Европе, Передней, Средней и Центральной Азии [42].

Монография известных российских востоковедов Д.М.Тимохина и В.В.Тишина (Институт Востоковедения РАН) посвящена рассмотрению вопросов взаимодействия государства Хорезмшахов-Ануштегинидов с племенами Восточного Дешт-и Кыпчака в период XI – начала XIII вв. и предполагает первое специальное исследование, посвященное данной проблематике. Тематика работы связана с отсутствием (за редким исключением) полноценного монографического исследования истории взаимоотношений государства Хорезмшахов-Ануштегинидов со степным миром [43].

Монография сотрудника ИВ РАН Ю.И. Дробышева посвящена роли климатического фактора в жизни и политической истории кочевых народов Центральной Азии, тесно связанного с понятием сакрального характера верховной власти, что ставит данную работу особняком от других многочисленных исследований подобного рода. Центральная идея книги изложена во взаимосвязи климата и военного дела. В книге показано, как погода решала судьбу военных столкновений [44].

Исследование Дорис Беренс-Абусеиф «Практическая дипломатия в Мамлюкском Султанате» интересно тем, что привлекает внимание к данному периоду средневековой истории мусульманского мира не только самим

фактом, что у власти в султанате стояли мамлюки – в основном выходцы из великих евразийских степей, преимущественно тюрки-кипчаки. На основе детального изучения номенклатуры дипломатических даров мамлюкскому двору автор убеждается, что данный регион (Египет, Левант, Палестина, Сирия) были неотъемлемой частью Шелкового пути, культурно и цивилизационно связанными с Центральной Азией [45].

Книга Эрики Монахан «Сибирские купцы» рассматривает попытку возродить прежнее значение древних торговых путей Шелкового пути, но на этот раз в обратном направлении – с Запада (от России) на Восток. В данном случае толчком послужило завоевание колоссальных сибирских пространств Московским, затем Российским государством, начиная с конца XV века. Исследование построено, что вполне объяснимо, в основном на материалах российских архивов. Предмет исследования затрагивает напрямую историю тюркского мира в постмонгольскую эпоху в лице фрагментов Золотой Орды, Сибирского и Казахского ханств, Синьцзяна и Средней Азии [46].

Претендующее на фундаментальность исследование Питера Франкопана (д-р Центра исследования Византии Оксфордского университета) «Шелковый путь» призвано осветить колоссальный период в истории Евразии, Средиземноморья и Африки и всего человечества, охватывающий порядка 2000 лет. Однако фокус книги направлен на историческую роль Внутренней Евразии и ее роль в становление торгово-экономических путей древности и средневековья, и даже шире – великих религий и цивилизаций континента [47].

Для нас наибольший интерес представляет исследование Дж. Ли «Казаклык, или амбициозный разбой, и формирование казахов: государство и идентичность в постмонгольской Евразии». Термин «казаклык» (казакование) автор использует как синоним разбойного бродяжничества, столь характерного для Евразии в послемонгольскую эпоху. Исследователь связывает этот феномен, распространенный вплоть до причерноморских степей среди смешанного славяно-тюркского населения, с политическим аспектом. В результате «политического бродяжничества», говоря словами автора, сложилась казахская нация как особый феномен, а не отколовшаяся часть узбекского улуса. Появление казахов, считает автор, (как и многих других народов и государств Евразии) было бы невозможно без распада жестко централизованной и иерархизированной системы монгольского правления, в т.ч. в качестве политического наследия Золотой Орды [48].

Заключение. Таким образом, монгольское завоевание Центральной Азии и Казахстана так же, как и других стран, сопровождалось массовой гибелью кочевого населения – найманов, киреитов, кыпчаков и канглы, оказавших упорное сопротивление захватчикам. Карлуки, онгуты, уйгуры и та часть кыпчаков, канглы, найманов и киреитов, которые подчинились монголам без сопротивления, но под угрозой завоевания, также понесли

серьезные потери в результате тотальной мобилизации их людских и экономических ресурсов. Что касается Золотой Орды и Чагатайского улуса, то монгольское правящее меньшинство постепенно тюркизировалось в массе близкого по хозяйственному укладу тюркского кочевого населения.

Таким образом, монгольские завоеватели повсюду создавали полиэтнический аппарат управления. В Золотой Орде монголы были ассимилированы тюркским местным населением, а держава Батыя послужила источником для образования после распада Золотой Орды таких тюркских государств, как Ногайская Орда, Казанское, Астраханское, Казахское и Крымское ханства. Тем не менее, как свидетельствует история, тюрки сыграли заметную роль в политической и культурной жизни Китая, Средней Азии и Восточной Европы в эпоху монгольского владычества. Таким образом, история Золотой Орды – далекое прошлое, но она до сих пор вызывает споры. Тем самым задача исследователей, независимо от этнической (тюркской или славянской) принадлежности, работать на взаимопонимание народов, а не на их разобщение.

Список использованной литературы:

1. См.: Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб: Евразия, 2002. – 478 с.

2. Шастина Н. Вступительная статья // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. – С. 3-20.

3. См.: Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 352 с.

4. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. Извлечения из сочинений арабских; М.; Л., 1941. Т.2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.А. Волиным.

5. Шаоминь Кэ. Синь Юань-ши (Новая история династии Юань) // Цуншу-цэичен, эрши-уши. Шанхай, 1938. Т.8.; Юань-ши (История монгольской династии Юань) // Соинь-бонабэнь, эрши-сыши. Пекин-Шанхай, 1958.

6. См.: Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1986. – С. 261-280.

7. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I-II. Извлечения из сочинений арабских собранные В.Г. Тизенгаузеном. - СПб., 1884; Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. - М.; Л., 1941.

8. См.: Ибатов А. XIV ғасырдагы хандар жарлықтарының тілі. (Язык ханских ярлыков XIV в). - Алматы: Ғылым, 1990. - 151 б.

9. Тизенгаузен В.Г. Сб. материалов. Т1. С.46-64.

10. Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe. - Paris, 1853-1858. T.I-IV; Тизенгаузен В.Г. Сб.материалов. Т.I. С.278. The Travels of Ibn Battuta A.D.1325-1354. - Cambridge, 1958, 1961 (HS, 2d series. CX). V.I-II.

11. Ligeti L. Prolegomena to the Codex Cumanicus. – Acta Orientalia Hungaricae. Budapest. 1981. T. 35, Fasc. I, p. 1-54.

12. Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). Пер. со староиспанск., пред, и коммент. И. С. Мироковой. – М., 1990.

13. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tiikles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. - University Park, Pennsylvania, 1994. - 656 p.

14. Цит. по: Груссе Р. Империя степей. История Центральной Азии (с древности до тринадцатого века). Учебное пособие. – Алматы: Санат, 2003. – С. 7-10.

15. Grousset R. Conqueror of the World. – New York: The Orion Press, 1966. Grousset R. Die Steppenvölker. – München, 1970.

16. Brentjes B., Albaum L.I. Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1986. – 192 S.

17. Sinor D. Inner Asia: History, Civilization, Languages. A Syllabus. – Bloomington: Indiana University Press, 1969 (third reprinting - 1987).- XXII + 261 pp. (Uralic and Altaic Series - 96).

18. Vernadsky G. The Mongols and Russia. - Yale. Yale University Press, 1953. - 473 p.

19. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.: Богородский печатник, 1998. - 368 с.

20. Wolseley H. (Sir) The Cambridge History of India. Vol.III: Turks and Afghans. – Cambridge, 1928.

21. Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland. 1223-1502. – Leipzig, 1943. Spuler B. The Muslim World. A Historical Survey. Trans by F.R.C. Bagley. – Leiden: Brill, 1960. Pt.I – 138 p.; Pt.II – 125 p. Spuler B. Geschichte Mittelasiens // Geschichte Asiens. Hrsg. von E.Waldschmidt. – München, 1950. Spuler B. Mittelasien seit dem Auftreten der Türken // Handbuch der Orientalistik. 1966. Vol.5. Pt.5, S.123-310. Spuler B. Gemeinsamkeiten der (west-) innerasiatischen Entwicklung seit 1600 // Ural-Altaische Jahrbücher. 1996. Bd.33, S.180-186.

22. Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. – London, 1987.

23. См. также: Тюркологический сборник-2001: Золотая Орда и ее наследие. Т. 98. Редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. — М.: Вост. лит., 2002. — 302 с.

24. Boyle J. A. The Posthumous Title of Batu Khan // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. - Naples, 1970, pp. 67-70.

25. См.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература, 2001. – 752 с.

26. Howorth H.H. History of the Mongols: From the 9th to the 19-th Century. Pt 1. - N. Y., 1965. - 771 p.; Pt 2. - N. Y., 1965. - 1121 p.

27. Zajqczkowsky A. La chronique des steppes kiptchak. Ed. crit avec la trad. fransaise du XVIIIe siecle. – Warszawa, 1966 – 180 s.

28. Onon Urgunge. The Secret History of the Mongols. The Life and Times of Chingghis Khan. - London & New York: Routledge Curzon Press, 2005. — VI+300 pp. Чингисхан. Сокровенное сказание. – М.: Издательство «Э», 2018. – 480 с.

29. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. 2-е изд. – М.: Квадрига, 2018. – 368 с.

30. Burgan M. Empire of the Mongols. – Chelsea: Chelsea House Publications, 2009. - 160 p.

31. Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. – London, New York: Routledge, 2005. – XXXIV+414 pp. Jackson P. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. – Ceredigion (Wales, UK) – Llandysul: Gomer Press, 2017. – XX+614 pp.

32. Lane G.E. Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance. – Leiden: Brill, 2003. – XXIV+330 pp. Lane G. Daily Life in the Mongol Empire. – Greenwood: Greenwood Publishing Group, 2006. – 240 p.

33. Nicola B., Melville Ch. (eds.) The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran. – Leiden: Brill, 2016. – 346 p.

34. Широкорад А.Б. Русь и Орда. – М.: Вече, 2018. – 480 с.

35. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Издательство «Э», 2017. – 576 с.

36. Аджи М. Сага о великой степи. – М.: АСТ, 2016. – 601 с.

37. Карпов А.Ю. Батый. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 348 с.

38. Рахманалиев Р. Империя тюрков. История великой цивилизации. – М.: РИПОЛ, 2018. – 704 с.

39. Мелехин А.В. (автор сост.). Чингисхан. Пер. с монг. А.В.Мелехина и Г.Б.Ярославцева. – М.: АСТ, 2018. – 320 с.

40. Hope M. Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – X+238 pp.

41. Buell P., Fiaschetty F. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. 2nd Ed. – Lexington (KY): Rowman and Littlefield, 2018. – 420 p. Buell P.D. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. - Lanham, Maryland, and Oxford: The Scarecrow Press, 2003. – XLIV+335 pp.

42. Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. Отв. ред.: Васильев Д.Д. Составители: Васильев Д.Д., Дробышев Ю.И., Зимоньи И. Труды Института востоковедения РАН, Выпуск 7. – Москва: ИВ РАН, 2018. – 268 с.

43. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв. – Москва: ИВ РАН, 2018. – 380 с.

44. Дробышев Ю.И. Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2018. – 264 с.

45. Behrens-Abouseif Doris. Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World. - London; New York: I.B. Tauris, 2016. - XXII + 242 pp.

46. Monahan Erika. The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2016. – XIV + 410 pp.

47. Франкопан П. Шелковый путь. – М.: Эксмо, 2018. – 688 с. (Frankopan P. The Silk Roads: a New History of the World. – Bloomsbury: Knopf Doubleday, 2015.

48. Lee J. Qazaqlik, or ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Eurasia. – Boston: Brill, 2016. – XIV+238 pp.

Автор туралы мәлімет:

Лаумулин М. Т., с. ғ. д., проф., Астана халықаралық университеті, әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар жоғары мектебінің профессоры

АЛТЫН ОРДАНЫҢ ӘЛЕМДІК ОРИЕНТАЛИСТИКАДАҒЫ ТАРИХЫ: ҚЫСҚАША ОЧЕРК

Аннотация: Мақалада Алтын Орда, Орталық Азия және ішкі Еуразияны зерттеу контекстінде Шығыстану мектептерінің қалыптасуы мен даму мәселелері қарастырылған. Осы моңғол білімінің тарихын зерттеудегі негізгі бағыттар зерттелуде. Оларға көшпенділіктің номадизм және мәдениеттану тұжырымдамалары, түркітану, алтаистика және тіл білімі, Орданың ерте және ортағасырлық тарихы туралы Қыпшақтану сияқты бағыттар жатады. Қазақтардың тарихы мен этнографиясын, негізінен Батыс шығыстануында зерттеуге ерекше көңіл бөлінеді. Мақалада шығыстану мен саясаттану салаларының Алтын Орда мен Орталық Азияны зерттеу контекстіндегі сабақтастығы мен өзара байланысы көрсетілген.

Кілтті сөздер: Алтын Орда, қазақтар, Қазақстан, Орталық Азия, Шығыстану, түркітану, саясаттану, куманология, Қыпшақтану, моңғолистика, моңғолтану.

Information about the authors:

Laumulin M.T., d.p.s, Prof., Higher School of Social and Humanitarian Sciences of the Astana International University

THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE IN WORLD ORIENTALISM: A BRIEF ESSAY

Abstract: The article considers ancient and medieval sources on the Golden Horde and Central Asian history, including information of the ancient authors on peoples of Central Asia, medieval sources, autochthonous sources, Muslim historiography. The article is dedicated also to the observation of history and ethnography of Kazakhs (mostly in Western oriental studies). A separate section reviews the phenomenon of nomadism in the context of such scientific problems as geographic factor and natural environment, social structure, political system and nomadic culture including the Kazakhs. In this context, the book presents western opinions regarding the following issues: impact of the Golden Horde onto Eurasia, a role of the Kipchaks within this area, Islamic and Turkic studies.

Key words: Golden Horde, Mongol studies, Kazakhs, Kazakhstan, Central Asia, Oriental Studies, Turcology, Political Studies.